

У роковой черты

Афганцу Александру Чебину срочно требуются деньги на операцию

Я ОЧЕНЬ ВОЛНОВАЛАСЬ перед встречей с Александром. О нем знала немного, но достаточно, чтобы испытывать трепет, как и перед каждым, прошедшим войну. Говорят, если ты был на войне — это навсегда, оттуда не возвращаются. Конечно, человек приходит домой, живет мирной жизнью, работает, женится, растит детей. Но сколько бы времени ни прошло — каждый день, прожитый под свист пуль, хранится в уголках сознания. И болит. Болит потерянными друзьями, осколками, которые носит в себе солдат, преждевременной материнской сединой.

...К моему приходу в этом доме готовились. Старший сын Александр помогает мне раздеться и уходит в другую комнату, чтобы не мешать беседе. Он серьезен, молчалив и, несмотря на юный возраст, уже такого же роста, как отец. Маленькая Аннушка с достоинством хозяйки накрывает на стол. Домашний пирог, конфеты, фрукты, чай, — она не устает носить из кухни разные «вкусности». Екатерина Николаевна, жена моего героя, помогает нам найти удобный уголок для общения. А я со страхом жду начала разговора: Александр Васильевич, участник афганской войны, инвалид второй группы, неизлечимо болен. Спасти его может только операция по пересадке донорской почки. Срочно нужны деньги — более 700 тысяч рублей.

Мой взгляд против воли постоянно скользит по его рукам. Они обезображены буграми вен. Это результат лечения, которое проходит Чебин. Сейчас он живет только благодаря гемодиализу. Так называется процедура, когда человеку чистят кровь: из вены кровь берут, пропускают через аппарат искусственной почки и возвращают пациенту. Трижды в неделю, по 4–5 часов. Результаты минимальные.

— Я горел желанием идти в армию, — вспоминает мой собеседник. — И только в ВДВ! И вот случилось — призвали! На дворе стояла осень 1981 года. Про Афганистан никто молодым солдатам не говорил. Но слухами земля полнится: что там стреляют, убивают, знали все. Помню, загрузили нас, более 300 человек, в ИЛ-86 и уже после того, как оторвались от земли, сказали, что мы летим в Кабул.

Как только самолет коснулся земли, сразу пахнуло войной. Какой-то особый порядок, выстрелы, все военные с автоматами, вертолеты летают, в отдалении слышны звуки взрывов. Это потом привыкли мы к этим звукам — все два года они ни на минуту не умолкали.

Нас сразу направили в части. Едем на машине по пустыне, 12 апреля было, мамин день рождения — такая красота вокруг: свежая зелень, бирюзовая вода, высокое небо. Потом солнце все выжгло, насыщенные оттенки сменили серость и желтизна.

Желтизна очень скоро появилась и на лицах солдат — почти все, кто служил вместе с Александром, переболели гепатитом.

— При температуре до +60°C в тени это практически неизбежно, — подсаживается к нам Екатерина.

Она медик и хорошо знает о всех последствиях пребывания в таких условиях. Не миновала эта участь и Чебина. Сейчас, помимо проблем с почками, постоянно дает о себе знать и эта хвороба.

Александр очень буднично рассказывает о событиях почти 25-летней давности:

— Месячная операция в горах, в Панджшерском ущелье. Туда доставили на вертолетах. Из первой «вертушки» высадились восемь человек, и сразу семь раненых и один убитый. Убитый — Серега Козлов, мы с ним только подружились. Как только это услышал, меня колотить стало. Трясло минуты две, а потом, как щелчок какой-то — пе-

рестал всего бояться. Только чувство осторожности осталось. Именно это чувство спасало, заставляло все два года принимать нужные решения. Это как глыбу огромную постоянно таскаешь. И только когда на Родину возвращались и в самолете объявили, что пересекли границу, эта глыба свалилась с плеч.

Первый бой? Мы сидели в горах, поступил приказ подняться на пик, это более двух тысяч метров над уровнем моря. Всю ночь шли, немного не успели: солнце уже взошло. Мы еще внизу, а роту уже засекли. Пришлось с боем прорываться. Я тогда был вторым пулеметчиком, у меня полный рюкзак патронов, подъем в гору крутой. Те, кто шел впереди, уже в бой вступили, а мы с боеприпасами еще не дошли. Кричат: «Командира взвода убили!» Мой первый номер кинулся к нему, его скосила очередь. Стрелять надо, куда стрелять — людей не видно. Горы, камни — все серо и только свист пуль. Очередь дал — присел, попал — не попал, непонятно. Очередной раз встал, поднял пулемет — и тишина... Очнулся — как будто проснулся. Сначала свет увидел. Через некоторое время стал слышать звуки боя по нарастающей — стрельба, свист пуль и мат. Ох, как матерятся на войне... Трогаю лицо — все в крови.

Чуть слышно звенят медали — маленькая Аннушка молча показывает папины награды

Афганская война оставила много следов на теле солдата: многочисленные осколочные ранения лица, головы и пятого пальца левой кисти, проникающее ножевое ранение брюшной полости, гепатит. Металлические осколки до сих пор остались в костях черепа. И память.

Все ужасы войны накапливаются где-то в укромном уголке мозга и потом делают жизнь невыносимой, — спокойно произносит Александр.

В комнате повисает тишина. Только чуть слышно звенят медали — маленькая Аннушка молча показывает мне папины награды.

— На войне мужчины плачут?

— Помню, от боли плакали, когда ноги натерли. В горы поднимаешься на 2–3 тысячи метров, надо нести мины, 2–3 боекомплекта, автомат или пулемет, жара, сил нет. Я лично не ревел; в одиннадцать лет, когда отец умер, я свое отплакал. Война все меняет. К ней привыкаешь. Помню, спускали мы молодого парнишку, у него шея была прострелена. Прямо на руках у меня умер. Потом всю жизнь видел это во сне.

Я читаю письмо, полученное Чебиным из Москвы из ФГУ НИИ трансплантации искусственных органов Росздрава: «В данный момент госпитализация... невозможна из-за

отсутствия диализных мест... в связи с резким дефицитом донорских органов...»

Разговор заходит о дедовщине в армии в наши дни.

— Раньше тоже дедовщина была, — говорит Александр. — Когда я солдатом служил, у нас были нечеловеческие условия. Жили мы в палатках. Зимой палатки изнутри обшивали досками, печки ставили — хоть снега не было, но холод продирал до костей. А летом — до +60°C в тени. Когда нас с вертолета первый раз выкинули в горы — в долине жара, а наверху холодно. На роту, это человек 100–120, всего один бушлат, кто-то случайно с собой захватил. А если еще дождик пойдет, то зуб на зуб не попадает. В горах часто спали на камнях. Кормили гороховой кашей и черным хлебом. Хлеб такой, что если его сожмешь, он, как тесто, расплывается между пальцами. Чай без сахара. В горах — сухой паек. Правда, когда генералы с проверками приезжали, день-два кормили хорошо.

Служить настолько тяжело было, что многие сами себя калечили. Правда, ребята с Урала рвались в бой, вели себя очень мужественно. Мама в это время получала письма от сына: «У меня все хорошо. Защищаем границы Родины. Купаемся. Едим апельсины, арбузы».

Государство по возвращении на Родину выдавало удостоверения, предоставляло льготы — бесплатный проезд, жилье вне очереди, какие-то товары...

— Корочками пользоваться не хотелось. Каждый раз надо было через себя переступить, чтобы какую-то льготу получить. Вроде как на свою душу наступаешь...

После службы в армии Чебин поступил в Уральскую медицинскую академию: «хотел выучиться на хирурга и поехать вновь служить в Афганистан...»

Но жизнь распорядилась иначе. Хирургом Александр Васильевич

не стал, стал терапевтом. Пока учился, подрабатывал в психоневрологическом госпитале для инвалидов Великой Отечественной войны, в травматологическом отделении областной больницы. С 1995 года лечил магнитогорцев. Пока мог работать. Сейчас не может: почки отказывают, немеют ноги и руки, за последний год похудел на 25 килограммов, живет только на сильных анальгетиках.

— Мы ведь сами медики, — к нам вновь подсаживается Екатерина Николаевна, ее большие серые глаза наполняются слезами. — Уже перепробованы все методы лечения, а результата нет. Единственное спасение — пересадка донорской почки. С февраля 2005 года я занимаюсь оформлением документов на бесплатную операцию. Главные специалисты города оформляли документы, отправляли в Челябинск, потом в Москву. Нас уверяли, что в 2005 году Саша обязательно попадет на бесплатную операцию, что он первый на очереди. Потом оказалось, что мы четвертые. А первый человек в очереди бесплатную операцию ждет уже два года. Я позвонила в министерство здравоохранения, там говорят, что мы вообще не вошли в реестр. Но если бы мы даже были четвертые, то дожидаться бесплатной операции просто нереально. Надежда только на платную операцию, надо найти эти средства. Я вынуждена ходить по всем инстанциям. Конечно, больно: и унижения и оскорбления — все услышишь. Как на паперти милостыню просишь. Но куда деваться...

Совсем тихо становится в комнате, где еще недавно звучали голоса детей Чебиных. Мы тоже молчим.

— В городских СМИ были опубликованы материалы о вашей беде, обращения о помощи, номер счета,



ММ — досье

Александр Васильевич ЧЕБИН — участник Афганской войны, инвалид второй группы, бывший врач муниципальной поликлиники. Награжден медалями «За боевые заслуги», «Благодарность от афганского народа», «Воину-интернационалисту», «50 лет Вооруженных Сил», имеет знак «Отличник Советской Армии». После службы в армии закончил Уральскую государственную медицинскую академию. С января 2006 года признан нетрудоспособным.

куда можно перечислить деньги. Что-то изменилось после этого?

— Небольшая часть денег на счете у Саши накопилась, — говорит Екатерина. — Помогли сотрудники нашей стоматологической поликлиники. Люди откликнулись на нашу беду, мы всем очень признательны. Несут деньги, бабушки по 100, 300, 500 рублей. За последнюю неделю наш счет пополнился на 300 рублей. Но всего получается около 25 тысяч. А надо еще так много...

...Пьем чай, и Александр рассказывает, как старенькая мама ждет от него помощи — ее домишко давно требует серьезного ремонта. Мама ждет и не знает, что сын живет только на таблетках и не может дойти даже до трамвайной остановки.

Маленькая Аннушка приходит «на разведку» и, убедившись, что мама уже не плачет, спешит сообщить об этом братишке. А солдат говорит, о том, что родители жены, пенсионеры, прислали им полторы тысячи на операцию, и теперь им поломанный холодильник не на что чинить.

...Я возвращаюсь домой и постоянно вспоминаю слова Александра Чебина. Еще совсем молодой, но очень изможденный двухметровый мужчина с грустными глазами сказал: «Зачем мне такая жизнь вообще? Но у меня дети растут. Детей бы поднять...»

Елизавета СОКОЛ.

P.S. Если хотите помочь щитнику Отечества, воину-афганцу, отцу двоих детей, перечислить деньги можно по адресу: Кредит Урал Банк. Вклад «Пенсионный». До востребования. Счет № 42301810001019185101. Чебину Александру Васильевичу.